

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна.
– Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят» [6, т. 14, с. 128].

В начале XX в., в канун важных исторических потрясений и социальных изменений Л. Толстой принципиально пересматривает свои религиозные и этические взгляды. Д.С. Мережковский был прав, когда говорил, что Толстой, считающий себя правоверным христианином, в сущности оставался в своем творчестве язычником, как и его Ерошка.

В «Хаджи-Мурате» Толстой-язычник берет вверх над Толстым-христианином. Своим художественно оформленным путем Толстой в данном произведении находит другую методологическую базу. Он как бы возвращается к тому, с чего начал – к культу естественности, природности. Природа и Бог всегда присутствовали в творчестве Толстого как антитезы. То одно, то другое брало вверх в его мирозерцании. В «Хаджи-Мурате» Толстой как бы снова вернулся к своей заветной идее – о примате естественного, природного начала в человеке.

Список литературы

1. Андреева Е. П. Толстой – художник в последний период деятельности / Е. П. Андреева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 270 с.
2. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы / Б. И. Бурсов. – М. – Л. : Советский писатель, 1964. – 395 с.
3. Мережковский Д. С. В тихом омуте: статьи и исследование разных лет / Д. С. Мережковский. – М. : Советский писатель, 1991. – 496 с.
4. Набиев Н. Г. Человек в мире Л. Н. Толстого / Н. Г. Набиев. – М. : Диалог МГУ, 1999. – 278 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1828–1958.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1978–1985.
7. Щербина В. Р. Принадлежит человечеству / В. Р. Щербина // Л.Н. Толстой и современность : сб. ст. и мат-лов. – М., 1929. – С. 42–77.

ОБРАЗ МАЗЕПЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XIX в.

Е.В. Никульшина

В статье прослеживается эволюция образа Мазепы в исторической беллетристике XIX в. Дается сравнительно-сопоставительный анализ образов предателя-гетмана, созданных в произведениях Е.В. Аладьина, Р.М. Зотова, Ф.В. Булгарина, Д.Л. Мордовцева. Доказывается, что интерпретация исторических событий и личностей генетически связана с понятиями «ценность» и «оценка» и зависит от историософских взглядов автора.

The author of the article observes the evolution of Mazepa's image in the XIXth century historical fiction. Contrastive-comparative analysis of images of hetman, who was a traitor, was made on the basis of novels by E.V. Aladyin, R.M. Zotov, F.V. Bulgarin, D.L. Morodovtsev. It is proved that the interpretation of historical events and personalities is genetically concerned with such notions as "value" and "estimation" and it depends on author's conception of historiosophy.

Ключевые слова: историческая беллетристика, интертекстуальность, петровский миф, Мазепа.

Key words: historical fiction, intertextuality, petrine myth, Mazepa.

Характеристика тематической направленности, круга проблем, к которым обращались авторы исторических произведений XIX в., убеждает в том, они не были бесстрастными регистраторами исторических событий, следуя только их фиксации в строго хронологическом порядке. В центре внимания подавляющего большинства исторических романистов оказывались именно такие эпохи, которые в максимальной степени способствовали постановке политически злободневных вопросов. Прежде всего, это события петровского времени, времени преобразований. «Репертуар» идеологических мотивов произведений на данную тему сравнительно небогат, но отражает основные черты петровского «мифа». Пётр – мудрый правитель, строитель нации и ее объединитель; благодаря его неумолимой энергии новое победило старину во всех ее обличиях. Главное же – торжествует закон, ограничивая как своекорыстные сановников, так и чрезмерную исторически неоправданную «милость к падшим».

В свете сказанного объяснима политическая и художественная репрезентативность темы борьбы русского и украинского народов за национальную независимость, в связи с чем особую популярность в жанре исторического романа приобрел конфликт *гетман Мазепа – царь Пётр I*. Тем не менее, до сих пор отсутствуют серьезные литературоведческие работы, посвященные украинскому деятелю в русской исторической романистике, чей образ весьма неординарен и неоднозначен.

В литературе XIX в. распространились в основном две доминирующие интерпретации его позиции. На Западе Мазепа предстал преимущественно героем-бунтарем, стремившимся разорвать цепи рабства в экзотической «стране казаков», политический же смысл такого бунтарства, тем более вопрос о его целесообразности, отходили на второй план. В России, напротив, в центре внимания писателей оказывалась и подвергалась осуждению «антинародная» политика гетмана – причем как с официозной, так и с оппозиционной точек зрения. Примерами могут служить историческая повесть Е.В. Аладына «Кочубей» (1827), а также романы Ф.В. Булгарина «Мазепа» (1833–1834), Р. Зотова «Таинственный монах» (1836), Д. Мордовцева «Царь и гетман» (1880).

Сюжетная основа повести Е.В. Аладына такова: Гетман влюбляется в Марию, но понимает, что может вести ее под венец лишь как крестный отец. Узнав, что Кочубей решил выдать дочь за Чуйкевича, он похищает девушку. Оскорбленный отец доносит Петру о политических замыслах Мазепы. Так в действие вовлекается русский царь, вследствие чего обостряется вторая сюжетная линия, политическая. Петр не верит доносу, более того – выдает доносчиков тому же гетману; Мария, пытаясь спасти отца, устраивает побег, от которого Кочубей отказывается («Нет, друг мой, нет, не предлагай мне побега – суд царя наложил на меня оковы, приговорил к смерти – знаю, что невинно, но я не хочу быть виновным, нарушив его священную волю!» [1, с. 56]). Все мольбы Марии, обращенные к Мазепе, также оказываются напрасны: Искра и Кочубей казнены, а героиня «кончила жизнь в монастыре» [1, с. 61]. Так частные отношения дочери – отца – возлюбленного, с изображения которых начинается повесть, органично вписаны в политический фон событий и предполагают надличностную оценку произошедшего.

Характеризуя Мазепу, Е.В. Аладын ориентируется на известный исторический труд И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788–1789). И в нем Иван Мазепа именуется не иначе, как «измен-

ник» [5, с. 24, 31, 33, 34, 36 и др.], «злодей» [5, с. 56, 300 и др.], «подражатель Иуды» [5, с. 166] и даже «новый Иуда, бывший 21 год в верности, а ставший при гробе изменником и предателем своего народа» [5, с. 32]. Более того, исторический образ у Аладьи́на явно выходит за эмпирические рамки и олицетворяет тип злодея в целом. По словам автора, это «жестокий, корыстолюбивый утеснитель казаков», «алчный грабитель» [1, с. 38], который летит «к своей жертве, как голодный тигр на добычу» [1, с. 43]. Однако историк, а вслед за ним и писатель показывают, что Мазепе не чужды сомнения и страхи. И.И. Голиков отмечает: гетман «терзаем угрызениями совести и поминутным страхом быть пойманным и представленным разгневанному своему государю» [5, с. 84]. У Е.В. Аладьи́на же эти страхи визуально конкретизируются: «Часто от холодного сна будит меня холодная рука какого-то остова, я вскакиваю, всматриваюсь и с трепетом узнаю в нем покойного гетмана – порванные цепи висят на руках и ногах его... и привидение могильным голосом вопрошает меня: "Где мои дети?"» [1, с. 42]. Писатель изображает, как «изредка пробуждалось в нем [Мазепе – Е. Н.] чувство раскаяния, чувство веры – но адские семена Заленского, как бурный град, побивали семена небесной благодати» [1, с. 43]. У И.И. Голикова на этот счет сказано так: «...притворство, с каким он должен был скрывать приверженность свою к Римской религии, стало ему несносно, хотя однако ж и облегчал он последнее теснейшим сообщением своим с польским иезуитом, из которых с одним, по прозванию Заленским, посещавшим его часто в Батурине, имел и крайнюю дружбу...» [5, с. 303–304]. Если историк отмечает «врожденные дарования» Мазепы [5, с. 303–304], то писатель подтверждает, что гетман является наследником определенной культурно-исторической традиции: его персонаж демонстрирует прекрасное знание Библии и древнегреческой мифологии: «я не бежал, как непорочный сын Иакова, от супруги нового Пентефрия, я пал к ее ногам»; «пожалуй, они прикуют еще Мазепу, как Прометея, к утесу и пошлют воронов клевать мое сердце» [1, с. 41].

Кроме того, в повести Е.В. Аладьи́на отражена и романтическая легенда о Мазепе, начало которой положил Вольтер («Истории шведского короля Карла XII», 1731) и которую поддержал Байрон («Мазепа», 1818). В ней гетман предстает одиноким героем, преодолевшим на пути к свободе невыносимые муки. В разговоре с Заленским Мазепа говорит: «...я, кажется, и не злодей! А если ты считаешь меня злодеем, то люди тому виною!» [1, с. 41]. Гетман рассказывает иезуиту, как в цвете пылкой юности полюбил шестнадцатилетнюю Терезу, жену седого угрюмого вельможи, и как в одну «роковую ночь» в темной беседке сада тот застал возлюбленных вместе. Муж приказал привязать его к дикой лошади и отпустил на волю, но лошадь, выросшая в Украине, вернула в родные места полумертвого от усталости и голода любовника. Какие-то крестьяне помогли ему, Мазепа надолго остался с ними, принимая участие в набегах на татар. «В хижине малоросса, на мягкой постели воскрес я от смерти, пришел в себя, хотел, но не мог молиться Творцу за спасение жизни; первая мысль моя была: зачем я пережил сына степи? И какой-то тайный голос твердил душе моей: *для мщенья!* <...> С тех пор в сердце моем появилась ненависть к человечеству, адская ненависть к сильнейшим меня!» [1, с. 41].

Можно считать, что образ гетмана в анализируемой повести соединил западноевропейскую и русскую интерпретации, но в иной пропорции: хотя мотивы страдания и мести являются объединяющими, предательство Петра, за-

конного государя для русского писателя стало определяющим и не поддающимся оправданию. Любовная фабула «Кочубея» Е.В. Аладына перекочевала в пушкинскую «Полтаву» (автор позаимствовал даже переименование исторической и «прозаической» Матрены в Марию), а пушкинскую поэму мы считаем этапной в осмыслении оппозиции Петр – Мазепа. Можно утверждать, что пушкинский гений знаменовал процесс девиации образа украинского гетмана в русской литературе, вытеснив черты западноевропейского архетипа.

Тем не менее, были и другие решения проблемы, часто противоположные или вносящие значительные изменения в угоду политической конъюнктуры. Так, Ф.В. Булгарин демонстративно игнорирует пушкинскую позицию, однако сохраняет при этом многие коллизии и мотивы, перенося их на других персонажей, а Д.Л. Мордовцев откровенно противостоит пушкинской трактовке, что не менее интересно.

В романе «Таинственный монах Р.М. Зотов упоминает о Мазепе лишь в нескольких эпизодах, но обращение к этому произведению в аспекте нашей темы необходимо. Во-первых, здесь (как, впрочем, и у Ф.В. Булгарина) сюжетобразующим становится мотив мести. Оба автора следуют одной стратегии и в построении сюжета: идеальный герой (Петр) сражается со злодеем (У Зотова – бывший гетман Дорошенко, у Булгарина – Мазепа), который при помощи различных средств, в том числе предательства, мешает законному наследнику вступить во владение. Тем не менее, если проблема мести в обоих произведениях разрешается однотипно, то интерпретации поведения Мазепы совершенно различны.

Нетрудно догадаться, что в романе Р.М. Зотова замыслу мести Дорошенко не суждено осуществиться. Человек понимает, что не вправе распорядиться жизнью другого, того, кто это делает, ожидает жестокое наказание, Бог сам всех рассудит, отомстит виновным и оправдает невинных. Так Р. Зотов постепенно активизирует духовную сторону сердечной жизни Дорошенко и показывает, как от «холодного» ума и коварного сердца он приходит к сердцу воскресшему, доказывая, что глубокие эмоциональные переживания способны изменить личность. В итоге гетман убеждается, что объект мести – «злодей» – таковым не оказывается. Герой понимает это, пройдя длинный путь, полный горечи и утрат, познав высокомерие шведов и предательство. «Поздно открыл я глаза и поздно теперь вижу, что безумствовал... и что для счастья бедной моей родины нужен именно такой царь, как ты», – признает Дорошенко, осмыслив масштаб личности Петра. Исторически перспективное уяснение персонажем хода истории призвано свидетельствовать об успехе и эффективности государственной политики царя. Таким образом, роль блудного сына в «Таинственном монахе» достается гетману Дорошенко, Мазепа отнесен на периферию повествования, писатель всячески умаляет его роль в истории, утверждая, что тот по «слабости» души, влекомый только личными выгодами, согласился на уговоры давнего приятеля. Как законопослушный верноподданный и искренний приверженец самодержавия вообще и дома Романовых в частности, Р. Зотов не может допустить ни прощения, ни забвения государственного преступника. «...Мазепа двадцать лет был непрерывно им [Петром] благодетельствован, и его предательство гнусно, постыдно! В успехе и неудаче имя его равно заслужит *вечное* проклятие!», – восклицает один из героев романа [6, с. 289].

Ф. Булгарин решает совсем иные художественные задачи. Его «Мазепа» был ответом на политический заказ, сделанный после подавления очередного

польского мятежа 1830–1831 гг. Уже в предисловии к роману писатель дистанцировался и от Пушкина, и от Байрона указанием, что он, Булгарин, поставил целью раскрыть именно «политический характер» своего героя. Он оказался на другом полюсе российского общественно-политического спектра и сотворил принципиально иной образ Мазепы. Писатель традиционно изображает Мазепу как властолюбца и изменника, но при этом пытается «реабилитировать» своего героя в глазах читателей: мотивирует предательство Мазепы страхом ликвидации автономии Малороссии, при этом всячески подчеркивает, что уровень просвещения и культуры в Польше того времени гораздо выше, чем в Украине и тем более в России. Изображая Мазепу как готического злодея, писатель не отказывает своему герою в покаянии и прощении. Подоспевший вовремя монах исповедует умирающего и читает над ним отходную молитву. Перед смертью Мазепа произносит слова «Родина моя!.. Сын мой... Иду к тебе!..» [2, с. 634]. Ф. Булгарин утверждает, что вопреки человеческому мнению, грехи раскаявшегося грешника не могут превзойти меру благодати Господней, и Мазепа как блудный сын возвращается в свою единственную Отчизну. Это, конечно, было отступление от российской официальной точки зрения. Ср. у И.И. Голикова: «...он примет от своей руки яд, и преступническую душу свою из временного переселит в вечное мучение» [5, с. 84].

Д. Мордовцев, щедро поддерживая романную интригу документами, предлагает свой вариант, полностью разрушает традиционный миф о Мазепе, радикально пересмотрев все исходные мотивы. Как и в повести Аладьиной, у Мордовцева Мазепа не просто мелкий интриган, уничтожающий Дорошенко и Кочубея ради получения гетманской булавы, а потом предающий Петра ради воображаемой «династии». Как справедливо отметил А.Ю. Сорочан [9, с. 164], гетман, подобно Петру, является наследником определенной культурной традиции. Мазепа в романе предстает не столько абсолютным злодеем, сколько искусителем, обреченным на конечное поражение. Да, он добивается любви Кочубеевны, но и ему любовь не принесет счастья. Писатель изображает, как Мазепа временно перерождается благодаря своей любви к Мотреньке: «...Мазепа чувствовал глубоко, что он сам переродился с этой привязанностью, – в нем проснулась неведомая для него сила – доброта... Ему в первый раз стало жаль погубленных им жертв – Самойловича, Палия и легиона других, забытых им. В сердце его в первый раз шевельнулась холодная змея – совесть, стыд за прошлое, чувство брезгливости своих собственных мерзких дел, которые до этой роковой минуты не казались ему гадкими» [7, с. 469]. Гетман бережно и осторожно относится к полудетскому, неуправляемому чувству физически рано созревшего ребенка, стараясь предотвратить неосторожные шаги избалованной девочки. Убежавшую к нему Мотрю он возвращает родителям. Полемизируя с А. Пушкиным, Д. Мордовцев отмечает, что Мотря все же пережила гибель отца, догнала Мазепу, бежавшего со шведами, и уехала с ним в туретчину, приняв его последний вздох. В отличие от Ф. Булгарина, автор романа не изображает раскаяния гетмана, он практически не появляется на страницах романа после предательства Петра, так как в трактовке Д. Мордовцева даже особого осуждения не достоин – Украина «отреклась от него», а помнить будет именно Палея, да еще безвинную Мотрю Кочубеевну [7, с. 201, 242, 244]. «Конфликт Петр – Мазепа решен в пользу русского царя не потому, что Петр – создатель, а Мазепа – политический авантюрист и Иуда, а потому, что Петр, хоть и деспот, самодур, пьянчуга, но

все же свой, российский царь, а эlegantный, политичный, хорошо воспитанный Мазепа – чужой, "ляхетский выродок"» [9, с. 164].

Таким образом, обращение писателя к исторической проблематике во все времена требует активной нравственной позиции. Независимо от своей воли автор вынужден принимать участие в процессе формирования на основе изучения прошлого ценностей своего времени. Функционируя в определенной культурной среде, историческая романистика предполагает четко выявленный модус восприятия, зависящий от авторской аксиологической установки. Тем не менее, поднимая проблемы вины/прощения и памяти/забвения в истории, писатель все-таки должен исходить из парадигмы «вечных» истин. В этом заключается один из способов существования исторического знания: постоянная переоценка старого с позиций нового, согласие и конфликт характеров, личностных пристрастий, политических взглядов.

Список литературы

1. Аладьин Е. В. Кочубей / Е. В. Аладьин // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. – М., 1989. – С. 34–61.
2. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин. – М., 1990. – 704 с.
3. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М., 2002. – 542 с.
4. Дементьева Н. Г. Мифологема Мазепы в западноевропейской литературе : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Дементьева. – СПб., 2003. – 212 с.
5. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. / И. И. Голиков. – М., 1838. – Т. 4. – 640 с.
6. Зотов Р. М. Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I / Р. М. Зотов // Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 13–311.
7. Мордовцев Д. Л. Царь и гетман: Романы / Д. Л. Мордовцев – М., 1994. – 572 с.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. – М., 1865. – Т. 15. – 428 с.
9. Сорочан А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2007. – 224 с.

ГЕРЦЕНОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.Ж. Сарсенова

В статье на материале романа «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» рассматривается представление А.И. Герцена о личности с позиций христианской аксиологии. Большое внимание уделяется мотивам гордости, темам христианской любви и страдания. Делается вывод о том, что на формирование мировоззрения писателя большое влияние оказала религиозная первооснова.

In this article on the material of the novel "Who is to blame?" and story "Dr. Krupov" we described A.I. Herzen's presentation about personality from the standpoint of Christian axiology. Much attention is paid to motives of pride, matters of Christian love and suffering. It is concluded that religious basis had an important influence on the formation of the writer's worldview.

Ключевые слова: личность, аксиология, вечные ценности, бездуховное существование, смысл жизни, горний и дольний мир, высший идеал.

Key words: personality, axiology, eternal values, earth-fed existence, the meaning of life, world "gorniy" and "dolnii", the highest ideal.